

Глава первая

Посты

1

Сидевшие в лодке называли ее на свой лад — снелкар; увидевшие же их с кручи поскакали в Полоцк докладывать о прибытии варяжской ладьи. Поспешали дозорные не слишком, коней загонять не было нужды: чужеземцев было десятка полтора да столько же рабов, тащивших ладью против течения.

— Большая лодка, сажень девять будет, — оценил Михась.

— Бери все двенадцать, не ошибешься, — сказал Клим Корноухий.

Их двоих оставили наблюдать за прибывшими, которые, вместо того чтобы плыть к городским причалам, остановились за излучиной, под прикрытием леса. Уж не замышляют ли они чего недоброго? Не готовят ли засаду? Или, может, это всего лишь разведчики, прокладывающие путь остальной войску? Очень скоро это должно было выясниться.

— Подползем поближе, — решил Клим, оставленный за старшего. — Видал когда-нибудь варягов вблизи?

— Нет, — признался Михась, чья первая бородка была на ощупь мягче молодой муравы.

— Ну так сейчас посмотришь, — пообещал товарищ. — Мужики косы носят, а шоломы у них с рогами бычьими.

— Для чего? — изумился Михась.

— А чтоб бодаться, — ответил Клим с веселой злостью. — Бодливые они, варяги.

— А наш князь рогов не носит, хотя Рогволодом прозывается. Отчего так?

— Вот у него и спрашивай. А пока помалкивай и под ноги гляди. Шумнешь — задницу надеру.

Михась насупился и пошел крадучись, лишь изредка шурша стлаником и хрустя сучьями, скрытыми под листьями. Клим умудрялся двигаться совсем бесшумно. Он был опытный лазутчик, а с охоты без добычи не возвращался. Ухо ему изуродовала рысь, которую, сказывали, Клим задушил своими руками. Михась его уважал, однако пороть себя не позволил бы — кончилось его отрочество, он теперь и сам мог кого угодно отодрать.

Все оружие дозорных составляли легкие луки да короткие мечи. Щиты были оставлены на утесе подле стреноженных коней. Двигались дозорные налегке, а потому очень скоро пересекли рощу и выбрались на опушку, откуда до Двины было рукой подать.

— Ох ты! — ужаснулся Михась, выглянув из-за куста. — Зачем же они рабов своих рубят?

— Обратно по течению поплывут, — пояснил опытный Клим. — Лишние рты им ни к чему, да и в ладье просторно будет.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к жалобным воплям несчастных и непонятной речи

варягов, с окровавленными мечами расхаживающих среди тел.

— Почему никто не убежал? — спросил Михась, опуская взгляд.

— Так связаны ведь, — ответил Клим. — Всем скопом не побежишь.

Будто в подтверждение его слов, два или три раба с краю сделали попытку потащить за собой остальных, по большей части уже мертвых, но не сумели сделать и шагу. Викинги не спешили их убивать, гогоча и подзадоривая уколами мечей. Когда же рабы выбились из сил и опустились на песок, их стали убивать по одному, соревнуясь, кто снесет голову одним махом.

Михасю чудилось, будто он слышит чавкающие удары секиры.

Он кусал сунутый в рот кулак, не замечая, что на коже остаются кровавые отметины от зубов. Светлые бороды и волосы чужеземцев, заплетенные в длинные косы, а также их диковинные доспехи больше не вызвали его любопытства. Парню было тошно смотреть, как колют и режут безоружных людей. Словно скотину, даже хуже, потому что не из нужды, а по прихоти своей кровожадной.

— Теперь я знаю, почему они варягами прозываются, — пробормотал он. — Вороги значит. Варяжский — все равно что вражеский.

— За такие речи можно запросто без языка остаться, — предупредил Клим. — Это я, одноухий, могу не расслышать. А люди Рогволода такого не спустят, не простят.

— Выходит, правду говорят, что в молодости Ругнвальдом звался? Или этим, Рагнвальдом? Тьфу ты, сам черт ногу сломит.

Вместо ответа Клим сгреб его за пушистую бороденку, пригнул к земле и наградил подзатыльником.

— Не болтай в дозоре, не болтай! — приговаривал он, повторяя урок снова и снова. — А то иди в пастухи, там чеши языком сколько влезет. — Клим оттолкнул спутника и отвернулся, добавив: — Ежели не вырвут тот язык за глупые речи. Балабол!

Слезы выступили на глазах Михася, не столько от боли, сколько от обиды. Но, переведя взор на берег, он скоро забыл о своем унижении. Разрубив путы, варяги стаскивали мертвые тела в реку и отталкивали копьями, пуская вниз по течению. Покончив с этим занятием, все дружно полезли в ладью и принялись распускать парус.

— Дурни, — решил Михась. — Ветер-то встречный. Их обратно снесет.

— Ты когда-нибудь под парусом ходил? — спросил Клим.

— Нет. Но видел, как другие ходят.

Михась вспомнил про подзатыльники, поэтому процедил слова сквозь зубы, хмурия брови.

— Ты девку свою когда-нибудь имел? — дурашливо пропищал Клим. — Нет, но видал, как другие имеют...

Не успел он закончить шутку, как младший товарищ молча бросился на него. Клим встретил его ударом кулака в переносицу и тут же добавил в скулу, потом в живот. Они сцепились, повалились наземь, с треском подмяная раскачивающийся кустарник. Пронзив листву, в заросли влетела стрела и косо впилась в прелую листву по самое оперение.

— Замри, — прохрипел Клим, прижимая Михася к земле. — Заметили. Вмиг стрелами утыкают, будем как те ежи.

Парень послушно притих, но тут же мелко затрясся от смеха, представив себе, как они с Климом удирают, ошестинившись иглами. Ему было и страшно, и весело. Он еще ни разу не бывал в настоящих переделках, и вот теперь в локте от него торчала настоящая боевая стрела, пущенная не в кого-нибудь, а в него.

— Пронесло, — сказал Клим, успевший приподняться на колени, чтобы посмотреть на реку.

Присоединившийся к нему Михась увидел, что ладья плывет уже довольно далеко от берега, делая неожиданные повороты из стороны в сторону.

— Чего это они? Напились допьяна?

— Ветер ловят, — пояснил Клим со знанием дела. — Наши так не умеют, да и паруса крепят намертво. У варягов, вишь, холстина свободно ходит. Наловчились. Известное дело, по морям сызмальства плавают.

— Море, море, — произнес Михась с непонятной ему самому тоской. — Сколько про него разного слышал, а все равно непонятно. Как может быть озеро, чтобы без берегов?

— Увидишь, коли будет на то милость богов.

— Оно так.

Следя за удаляющейся ладьей, товарищи примолкли. До сих пор боги не слишком их баловали, но все всегда может перемениться в одночасье, не так ли?

2

Рогволод, князь Полоцкий, гонял зверье по лесам, когда в город прискакали дозорные. Сыновья сопровождали отца на охоте, так что весть принесли воеводе Аскольду, которого многие помнили еще как конунга Осколда Большеротого. Он тут же

велел седлать коня, решив, что дело слишком важное, чтобы доверять его кому ни попадя. Давненько земляки не наведывались в Полоцк. И ведь не зря же они проделали такой долгий и трудный путь, занявший у них никак не меньше месяца. Хорошо бы без войска приплыли, но Аскольд знал нрав соплеменников и допускал, что остальные добирались посуху и таились теперь где-нибудь в окрестных пушках.

Союз с киевлянами, который держали полочане, сильно ослабел со времен правления Игоря, положившего сотни лучших ратников в бесславных походах. С одной стороны, это позволяло Полоцку не гнуть спину перед Киевом, а с другой — делало положение Рогволода шатким. Границы княжества пробовали на прочность то одни соседи, то другие, да и свои приближенные могли предать в любой момент, ибо кто же подлее предаст, как не близкий?

Аскольд, друживший с Рогволодом еще в давние времена набегов на земли эстов и латов, догадывался, что князь повсюду возит сыновей с собой не от большой любви, а чтобы не дать им сговориться с боярами в его отсутствие. Одному было под тридцать, другому за тридцать перевалило, и оба мечтали о венце княжеском и, поглядывая на него, украдкой примеряли к своим молодым горячим головам. Могли ли они задумать злодейство против родного отца? Почему нет, тем более что оба все еще горевали по покойной матушке, которую, как нашептывала молва, удушил не печной угар, а некто, имевший вполне человеческий облик и способный оставлять пальцами синяки на шее.

Рогволод не раз предлагал сыновьям подобрать себе другие имена, привычные здешнему слуху, но Раальд

и Свен отказывались наотрез, твердя, что так назвала их мать и нарушать ее волю негоже. В этом заодно с ними была младшая сестра Рогнеда, которая в свои шестнадцать была так пригожа, так мила, что отец в ней души не чаял и старался ни в чем ей не перечить.

— Легка на помине, княжна, — усмехнулся Аскольд, вставляя потертый сапог в сверкающее медью стремя. — Только тебя вспомнил, а тут и ты.

— Я слыхала, ты к отцу поскачешь, — сказала Рогнеда, спускаясь во двор по дощатым ступеням. — Возьми меня, дядька Аскольд. Скучно в тереме сидеть.

— Не могу, — покачал он седую головою, — нет у меня на то княжеского дозволения.

— Так я тебе его даю, воевода! — Она вздернула подбородок. — Приказываю взять меня с собой.

Приложив кулак к сердцу и поклонившись, Аскольд молвил так:

— Придется мне послушаться тебя, княжна. Хочешь, казнить вели, а только не отступлю от своего. Разный народ по лесам шастает, а я буду за тебя в ответе. Вон, новгородцы второго дня на обоз напали, дань разграбили. Девкам в пуще не место, да еще таким красивым.

Вместо того чтобы обидеться, Рогнеда расцвела, хоть и пыталась, польщенная, сдержать усмешку.

— Что же, разве так уж хороша я собой? — спросила она, теребя выложенную на плечо косу толщиной с ее запястье.

— Краше всех на свете, — заверил ее Аскольд и, пользуясь счастливым замешательством княжеской дочери, вскочил в седло, хлестнул коня и поскакал к воротам, уже растянутым в стороны двумя стражниками.

Следом за воеводой устремился десяток дружинников, оповещая гиканьем и улюлюканьем о своем

приближении, чтобы люди вовремя убрались с дороги и не мешали проезду.

Не переходя на рысь и не придерживая коней, отряд промчался по одному мосту, потом по другому, заставляя прохожих жаться к краям с риском упасть в воду. Полоцк стоял по обоим берегам реки и в придачу был защищен речными рукавами, поймами и протоками, что делало его неприступным для налетов кочевых племен, а более опасные враги пока что сюда не добирались.

Пересекая заливные луга, Аскольд привычно обминал заболоченные низины, постепенно забирая на восток, где, как он знал, любил охотиться князь. Там был выстроен небольшой бревенчатый терем с пристройками, конюшнями и псарнями. Бывало, Рогволод проводил здесь недели кряду, особенно когда была жива жена и не случалось важных государственных дел. Не обходилось, конечно, без пирушек и банных потех, о которых потом еще долго вспоминали участники.

Будь воля Аскольда, он ни за что не позволил бы князю подолгу засиживаться в тереме. Прознай про то недруги, они могли бы легко перебить дружину и даже две, чтобы истребить весь княжеский род с Рогволодом во главе. А если бы кто напал на город в его отсутствие, то защищаться пришлось бы без единого руководства, что тоже могло закончиться плачевно.

Углубившись в лес, Аскольд натянул поводья и поднял руку в перчатке, призывая спутников сделать то же. Сдерживая всхрапывающих коней, всадники наострили слух. Откуда-то издалека доносился шум загонщиков. Это означало, что охота идет полным ходом. Если поскакать прямо, можно испортить гон, да и на шальные стрелы нарваться. Выбрав

направление, Аскольд повернул туда морду коня и ударил его пятками.

Без троп идти приходилось шагом, переходя на рысь лишь там, где деревья неохотно расступались, пропуская всадников. Замшелые стволы уходили к небу, лошадиные копыта то и дело выворачивали из земли грибы, наполняющие воздух печальным запахом еще далекой пока осени. Спустившись к прозрачному лесному ручью, вьющемуся по дну яра, всадники поднялись на выгоревший участок леса, где черная земля и пни проглядывали сквозь зеленую траву и низкую листву молодняка. Здесь звуки охоты раздавались ближе, она надвигалась прямо на отряд, несмотря на попытку Аскольда отклониться в сторону.

— Что бы ни случилось, с места не сходите, ждите здесь, — приказал он. — Князь не простит, если потеху ему порушим. Я один дальше пойду. Погляжу, что и как.

Дружинники, приученные к беспрекословному подчинению, не стали перечить. Один из них принял протянутую ему уздечку, и все начали спешиваться. Впереди лежало открытое пространство, на котором их было видно издалека и зверю, и человеку. Что касается Аскольда, то он двинулся дальше пешком, выдирая сапоги из травяной путаницы, переступая головешки и обминая горелые пни. Один из глухарей напугал воеводу, внезапно взлетев из густой зелени, и с шумом помчался прочь, поднимаясь все выше над гарью.

Выхваченный из ножен меч не понадобился. Серdito глядя вслед опозорившему его глухарю, Аскольд пошел дальше. Услышь он хотя бы одну шутку или приглушенный смешок за своей спиной, повернул

бы обратно, но, по счастью для дружинников, делать этого не пришлось. И все же оплошность с глухарем наполнила душу досадой, и, услышав впереди стук копыт, Аскольд не остановился, чтобы вторично не выказать испуга.

Бежала не лошадь. Гулкий топот сопровождался костяным пощелкиванием, с каким бегают олени, раздвоенные копыта которых ударяются друг о друга.

«Не спугнуть бы! — подумал Аскольд. — Стану за деревом».

Там, где прогалина заканчивалась, сменившись осиновым подлеском, уже мелькало бурое тело на легких, тонких ногах. Это был не олень. Прямо на воеводу бежал такой огромный лось, каких он ни разу в жизни не видел. Высоченный, горбатый, с широко раскинутыми лопастями рогов, он был вдвое больше самой крупной лошади. В холке его и меж ребер торчали стрелы, мотающиеся при беге. За ним катился разноголосый лай невидимой пока своры.

Аскольд вжался в березовый ствол, боясь выдать себя дыханием и даже взглядом. На него надвигалась живая разъяренная гора, способная превратить человека в лепешку, порвать в клочья рогами, измочалить огромными копытами, каждое размером с миску. По моментально взмокшему телу воеводы потекли ручьи холодного пота.

Отбрасывая стремительную тень, серо-коричневая махина промчалась мимо и вдруг остановилась как вкопанная, взрыхляя землю всеми четырьмя расставленными ногами.

Массивный загривок не позволил лосю оглянуться на прихваченный ноздрями человеческий запах. Переступив копытами, он повернулся всем телом. Даже

не пытаюсь отбиться мечом, Аскольд полез на березу с умением и проворством, которых никогда не замечал за собою. Словно до рождения человеком был он белкой, стремглав носившейся по деревьям.

Однако и лось был проворен, невзирая на свой многопудовый вес. Оттолкнувшись копытами, он кинулся вперед.

Аскольд, повисший на ветке, почувствовал страшный удар по ногам, подбросивший его высоко в воздух и едва не прокрутивший вокруг оси. Ему удалось удержаться, и он упал животом вниз, глядя на беснующегося внизу зверя. Налитые яростной мутью глаза животного встретились с глазами человека, лось заревел и со всего размаха боднул березу. Чудом не свалившись от толчка, Аскольд взобрался выше и сел на развилку. Только отсюда он решился взглянуть на лося, который, свирепо фыркая, вздымал ногами тучи сухих листьев и земляных комьев. Аскольд увидел, как заднее копыто опустилось на сухой ствол и тот раскололся подобно щепке. Воевода крепче обхватил руками сучья. Из разорванного рогом голенца сочилась кровь. Береза тряслась от ударов, следующих все чаще.

Аскольд понял, что спасения ждать неоткуда. Дружинники даже под страхом смерти не послушались бы приказа оставаться на месте, что бы ни случилось. Им было хорошо известно, что воевода никогда не бросает слов на ветер. Да и вообще они остались за пригорком и могли лишь слышать шум, не представляя себе, что здесь творится. Аскольд уже лихорадочно решал, что предпримет и куда побежит, когда береза будет сломана или повалена, но тут на помощь ему пришла собачья свора.

Собаки, сталкиваясь и прыгая друг через друга, вылетели из чащи и рассыпались вокруг лося, отвлекая его внимание на себя. Забыв про человека на дереве, он низко опустил губастую морду, грозя поднять на рога каждого, кто приблизится к нему спереди. Задом он прижался к тому самому стволу, который только что старался обрушить. Благодаря кустарнику, разросшемуся у подножия дерева, лось был более или менее защищен с тыла.

Не переставая захлебываться лаем и рычанием, ошетилившиеся псы обступили его полукругом. Их было семь, и любой из них мог схватиться с волком. Они ждали только удобного момента, чтобы, подскокив, вцепиться великану в обвисшее горло, в бока, повиснуть на шкуре, добираясь зубами до горячего мяса. Ни одна из собак, однако, не отваживалась переступить невидимую черту, за которой ее караулили опущенные рога с отшлифованными зубьями. Гневно поблескивающие глаза лесного богатыря ловили каждое движение преследователей. Увенчанная боевой короной голова делала чуть заметный поворот, как только одна из собак приближалась хотя бы на аршин.

Своим иступленным лаем псы старались скрыть свой страх. Все семь были сообразительны и опытные, ни одному не хотелось лезть на верную смерть. Ведь их послали только задержать лося, не пустить его в чашу. Они не были обязаны вступать с ним в кровопролитную схватку. Это было дело тех, кто затеял охоту. Людское дело.

Но и лось тоже прекрасно понимал, чего дожидается окружившая его свора. Едва между деревьями замелькали фигуры бегущих и скачущих людей, как он двинулся вперед.

Три самые отважные гончие одновременно кинулись на него с разных сторон. Но это был отвлекающий маневр: лось тотчас отпрянул, а собаки оказались прямо перед ним, совершенно не готовые к такому повороту событий.

Аскольд со своего насеста увидел, как взметнулись развесистые рога и одна собака взлетела выше него самого, сверля воздух пронзительным скулежом. Удар передним копытом — и вторая покатилась по земле с распоротым брюхом, путаясь в собственных кишках. Обратив свору в бегство, лось забросил рога на спину и рванул с места, соперничая размашистой иноходью с галопом подоспевшего скакуна с Рогволодом в седле. Свое могучее тело зверь нес стремительно и плавно, однако уйти ему было не суждено.

Привстав в стременах, князь занес короткое копьё с широким длинным наконечником, похожим на клинок меча.

Несмотря на головокружительную скорость, с которой животное и всадник ломались через тугие кустарники, удар был точен и силен. Копьё вошло в бурую тушу на всю длину наконечника. Рогволод, скакавший слева, целил в сердце — и не промахнулся. Некоторое время древко ходило ходуном, вторя прыжкам лося, потом судорожно задергалось, предвещая скорый конец.

Ломая ветки, туша грохнулась оземь, загоня копьё еще глубже.

— Готов! — торжествуя крикнул князь, круто разворачивая коня. — Возьмите его.

Аскольд поспешно полез вниз, мечтая остаться незамеченным, но вокруг березы собралось слишком много охотников, осматривающих издыхающих собак.

— Воевода? — захохотал князь, все еще охваченный азартом недавней погони. — А ты что здесь делаешь? Почто на дерево взгромоздился, как ворона? Али каркать учишься?

Шутка вызвала взрыв смеха среди собравшихся. Постаравшись запомнить тех, кто веселился пуще других, Аскольд объяснил, зачем приехал в лес и как очутился на березе.

Рогволод тут же насупился, и свита его сделала то же самое. Сыновья обступили отца с двух сторон, то ли ища у него защиты, то ли готовые сами защитить его.

— Что нужно здесь гостям незваным? — спросили Раальд и Свен в один голос.

Несмотря на свои имена и голубые глаза, они не считали варягов ни родней, ни земляками. Выросли и возмужали они на этой земле, привыкли считать родиной ее, а не далекие северные края.

— Скоро узнаем, — сказал князь Рогволод.

Тон его не предвещал прибывшим ничего хорошего.

3

В свои пятьдесят с гаком лет Рогволод все еще считал себя молодым, а потому не берегся, двигался порывисто, отдыхал мало и позволял себе всякие излишества. Порой это выглядело привлекательно, а порой — комично, когда, например, князь соскакивал с коня, позабыв, что ноги его уже не те, колени хрустят, а щиколотки подгибаются под тяжестью достаточно грузного тела.

Аскольд, знавший за хозяином такую слабость, старался быть рядом, чтобы поддержать его в момент прыжка, маскируя свою заботу под обычное желание